ФОРМИРОВАНИЕ РАННЕМОРДОВСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СИСТЕМЫ В НАУЧНОЙ РЕФЛЕКСИИ П. ДОМОКОША

Т. И. КУБАНЦЕВ,
доктор филологических наук, профессор кафедры финно-угорских литератур ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, РФ)

Что такое литература? Если это произведения лишь светского содержания, да еще высоких художественных достоинств, то границы литературы сильно сузятся и истоки ее во многом передвинутся к современности. В научной рефлексии В. Г. Белинского литература есть «движущаяся эстетика», которая содержит в себе множество художественных элементов: язык, фольклор, этнография, история, материально-духовная культура в целом.

Долгое время по идеологическим и методологическим причинам история многих национальных литератур, в том числе мордовской, искусственно сужалась: из нее фактически изымались произведения «ненациональные» (написанные на русском языке), «антинародные» (созданные священнослужителями, монахами), «нехудожественные» (не отвечавшие критериям и канонам традиционных жанров). В последнее время литературоведение и критика стали избавляться от догматического отношения к национальному наследству и нарабатывать новые (диалектико-метафизические) подходы к их осмыслению. Одним из важных является атрибутивно-функциональный подход, при котором процессу возникновения и существования исключенных из национальной литературы пластов в новом социально-эстетическом измерении находятся веские объективные обоснования. По утверждению К. К. Васина, «во-первых, в XIX веке литераторы, не имея возможности публиковать свое оригинальное творчество на родном языке, писали на русском; во-вторых, работая над переводом священных писаний, они совершенствовали литературный язык подобно М. Лютеру, который переводом Библии “вычистил авгиевы конюшни немецкого языка” и тем самым “создал современную немецкую прозу” (Ф. Энгельс); в-третьих, были целые эпохи, когда литература, притом художественная, слагалась из совершенно других элементов (Н. Конрад), чем поэзия, повествовательная проза и драма» [5, *11–19*].

С данной позицией солидарен и венгерский ученый П. Домокош, который настаивает на том, что «написанные на русском языке произведения – такая же органическая часть молодых финно-угорских литератур, как и латинские стихотворения Паннониуса в венгерской литературе, шведские стихи Л. Рунеберга в шведской, Портанена в финской» [7, *88*]. Такая точка зрения на истоки и первые шаги национальной литературы начинает преобладать и в мордовской литературоведческой науке, в частности в исследованиях А. П. Феоктистова [8; 9], А. В. Алешкина [1], С. А. Алешкиной [2], В. И. Демина [6], Ю. Г. Антонова [3], О. И. Бирюковой [4], С. В. Шеяновой [10; 11], Н. Н. Левиной [10] и др.

В исторической ретроспективе формирование раннемордовской литературной системы обусловлено ее связью с судьбами народа. Последние десятиле-

© Кубанцев Т. И., 2016

тия XVIII в. совпадают с первоначальным формированием мокша- и эрзя-мордовских письменных языков и началом активного проникновения в культуру народа книжных форм межнационального общения. В XVIII в. среди мордвы, как и среди соседних народов, стали распространяться церковно-религиозная литература, агиографические и панегирические произведения, а также различного рода словари, учебные пособия на родных языках, переводы с русского и некоторых европейских языков, публикации текстов фольклора и отдельных попыток индивидуального творчества. К началу XX в., как указывают исследователи памятников мордовской словесности, было создано не менее трехсот произведений различного объема и характера, из которых больше половины осталось в рукописях. «До 1917 года, – пишет А. Феоктистов, – на мордовских языках было создано… не менее полсотни отдельных названий книг и брошюр. <…> Кроме того, мордовские языковые материалы разного объема и содержания были опубликованы в десятках книг, изданных на русском или западноевропейских языках (последняя четверть XVII–XX вв.). На протяжении двух столетий накопился большой рукописный фонд на мокша- и эрзя-мордовских языках» [8*, 260–265*].

Издания и рукописи, создавшие историко-культурный и языково-культурный фон для возникновения финно-угорских литератур, в том числе и мордовской, П. Домокош в своей монографии «Формирование литератур малых уральских народов» [7] делит на две группы. К первой относятся издания, как он говорит, о народностях Поволжья и Урала, но не для них, а для общей науки. Среди них автор называет изданные в XVIII в. тома Страленберга, Георги, Миллера, Фишера, а также материалы об удмуртах, собранные Аминовым, удмуртский словарь Мункачи, материал о мордве, собранный А. Шахматовым, и др.

Ко второй группе П. Домокош относит издания и рукописи, к которым заинтересованные народы субъективно «привязаны» не только тем, что они участвовали в их написании, но еще и потому, что произведения создавались для них, в их интересах и защиту и в большинстве написаны на языке этих народов. Это, например, первые грамматики, опыты переводов стихотворных строк, опубликованные в XVIII в., издания XIX в., большинство из которых составляют религиозные книги или учебные пособия. Все эти «сочинительства» могут считаться своего рода первыми ласточками национальных литератур. «Среди великих литератур мало таких, существование которых не начиналось бы с переводов, – отмечает ученый. – На основе работ оставшихся неизвестными авторов мы можем убедиться в том, что их язык, весьма презираемый в то время “варварский” фольклор, который оставался в неприкосновенности, во-первых, был годен для создания произведений художественной литературы; во-вторых, мог быть оформленным в письменном виде. Эти “открытия” имеют очень большое значение. Марийские тексты исследовал Феенкер (1981), удмуртские – я сам (П. Домокош. – *Т. К.*) (1974). Наши выводы с точки зрения литературной топологии и лингвистики созвучны с выводами о чувашских (Сироткин, 1948) и мордовских (Феоктистов, 1968) стихах» [7, *130*].

Исследования современных литературоведов показывают, что «литература в период ее родниковых истоков как искусство художественного слова еще не выделяется из письменности. Элементы словесного искусства в памятниках ранней словесности существуют в неразрывном единстве с элементами религии, мифологии, различного рода информацией, моральными и практическими указаниями» [1, *168*]. Исходя из вышесказанного можно говорить о появлении в конце XVIII в. первых письменных литературных памятников мордовского народа и этим рубежом датировать начало истории раннемордовской литературы.

П. Домокош полемизирует со своими предшественниками, известными венгерскими финно-угроведами А. Баном,

Д. Дечи, Б. Кепеци и др., утверждавшими, что из 13 финно-угорских языков только три (венгерский, финский и эстонский) имели значительную письменную традицию, остальные десять языков до XIX в. (некоторые и до XX в.) не имели своей литературы, а те немногочисленные произведения религиозного содержания, переведенные с других языков на язык финно-угорских народов, не могут претендовать на название литературных произведений. Если им и придавать ценность, то только относительно их значения для языкознания.

Признание зарубежными учеными существования у малых финно-угорских народов только фольклорных переводных религиозных текстов привело П. Домокоша к утверждению, что именно они стали теми «первенцами», от которых пошла литература в полном смысле слова. Ученый посвятил этой проблеме одну из самых значительных своих монографий «Формирование литератур малых уральских народов», ставшую основой его докторской диссертации (защищена в 1984 г., опубликована в 1985 г.; в 1993 г. переведена на русский язык и издана Марийским книжным издательством в Йошкар-Оле). Работа вызвала многочисленные отклики за рубежом и в России. После выхода в свет данной монографии П. Домокошу была вручена премия Академии наук Венгрии.

Для того чтобы осмыслить закономерности развития мордовской литературы, П. Домокошу было необходимо, прежде всего, определить периодизацию истории развития всей мордовской литературы. По его мнению, «периодизация – одна из важнейших проблем истории литературы, взгляд на ее развитие». Двухсотлетнюю историю мордовской литературы он делит на шесть основных периодов. Из них выделим три периода, когда начала зарождаться раннемордовская литературная система:

– первый – XVII – XVIII вв.;

– второй – 1769 (первое мордовское стихотворение) – 1892 гг. (до появления первых трудов М. Евсевьева);

– третий – 1892–1912 гг. (до появления первого сборника стихов З. Дорофеева).

«Первым цветком» мордовской поэзии П. Домокош называет «сочинительства», написанные воспитанниками Казанской духовной семинарии в честь посещения ее Екатериной II, вошедшие в панегирический сборник «Духовная церемония, проводившаяся во время… присутствия Екатерины II в Казани» (1769). «Поводом для этого послужило посещение императрицей в 1767 году казанских новокрещенных школ. Сборник состоит из панегирических “речей”, “кантов” и “стихов” на русском, латинском и греческом языках. <…> На 46 странице дан прозаический текст “стиха” на эрзянском языке» [9, *174–178*].

Давая литературоведческую оценку первым мордовским стихам и другим письменным памятникам, П. Домокош называет их «первенцами», «предшественниками» мордовской литературы, которые еще нельзя воспринимать в качестве полноценных и эстетически зрелых литературных образцов. По мнению ученого, это были преимущественно робкие опыты или чисто утилитарные тексты, иногда пробы пера неизвестных авторов, указывающие на способность языка служить литературным целям. Их авторы стремились выявить рецептивные и экспрессивные возможности языка, испытать способность языка к переводам, а также к различным жанрам и формам литературы [7, *130*].

Указывая на разнобой среди литературоведов в оценке первых стихотворений, П. Домокош подчеркивает, что все упомянутые сочинения заслуживают внимания и должны быть оценены соответствующим образом, как это произошло в венгерском литературоведении: «...если в колыбели молодой венгерской литературы находились также религиозные тексты и наш письменный язык делал первые шаги, держась на помочах чужих мышлений, и таким образом становился на собственные ноги, переводная литература на протяжении многих веков должна была заменять самобытную литературу, то, может быть, и переводы родственных нам по языку народов следует оцени-

вать несколько иначе» [7, *130–131*]. В качестве примера приведены «Грамота Тиханьского монастыря» (1055), «Надгробная речь» и «Молитва» (конец XII в.), «Старовенгерский плач Марии» (около 1200 г.), а также многочисленные «Кодексы» и финский перевод Агриколой Библии, представляющие значительный интерес не только для языковедов: «это известные повсюду, глубоко проанализированные, эстетически ценные творения литературы» [7, *131*].

С этой точки зрения П. Домокош рассматривает и переводы на мордовский язык «Священной истории Ветхого и Нового завета. На эрзянском наречии мордовского языка», «Священной истории в пользу мордвов на их природном языке...», «Евангелия от Матфея», «Евангелия от Луки». Анализируя переводы, он отмечает в них наличие определенных элементов мордовского фольклора и языческой мифологии, полагая, что переводы в некоторой степени могут рассматриваться как образцы самобытной литературы, они подготавливают, утончают и обогащают язык, побуждают к вдохновению и инициативе. Таким образом, П. Домокош предлагает рассматривать ранний период мордовской литературы как подготовительный этап становления индивидуально-авторского словесного творчества, что значительно расширяет и углубляет национальный историко-культурный дискурс.

Кратко характеризуя более поздние сочинения («Покш праздник. На эрзянском наречии мордовского языка», «Образцы мордовской народной словесности», «Сказки и загадки на эрзянском наречии мордовского языка с русским переводом», «Букварь для мордвы-эрзи», «Букварь для мордвы-мокши», «Рассказ о болезни и смерти... Александра III») на эрзянском и мокшанском языках и некоторые другие образцы духовно-светской и церковно-религиозной литературы, П. Домокош выдвигает концепцию, согласно которой возникшая до XX в. религиозная и идейно-реакционная литература, не имеющая ничего общего с появившейся после 1917 г. литературой соцреализма, не должна исключаться из области исследования. «В этот период, – пишет П. Домокош, – закладывались основы письменности, шла ее техническая подготовка и в процессе развития создавалась органическая предпосылка для более высокой ступени развития» [7, *131*]. Благодаря перечисленным литературным опытам появились исследователи, поэты и прозаики, направившие письменность в «русло» настоящей литературы. Многие из них стали первыми авторами учебников, основоположниками мордовской национальной науки, первыми поэтами и прозаиками, создателями современной мордовской литературы, наставниками нового поколения.

Выдающимися личностями мордовской культуры П. Домокош считает М. Евсевьева – «родоначальника современной мордовской культуры, первого признанного мордовского ученого и педагога», З. Дорофеева – «основоположника мордовской художественной литературы», Ф. Чеснокова – «вожака пореволюционного поколения, многогранного деятеля литературы», Дм. Морского – «московского» посла мордовской литературы, П. Кириллова – «наиболее человечного и весомого творца самого тяжелого периода национальной литературы», В. Радаева – «Леннрота мордовской литературы – человека трудной судьбы, осуществившего синтез мордовских национальных традиций», К. Абрамова – «энциклопедиста мордовской деревни и прошлого народа» [7]. Между тем П. Домокош не акцентирует внимание на том, что ряд авторов писали на русском языке, видя в них истинных национальных писателей.

Таким образом, П. Домокош одним из первых среди зарубежных исследователей выдвинул концепцию существования раннемордовского литературного процесса. В этом отношении он стоит на позиции, общей для исследователей западноевропейских и русской литератур. В их истории многие памятники религиозной литературы (жития, псалмы, хождения, моления и т. д.) трактуются как древние ли-

тературные памятники, оказавшие значительное влияние на последующее развитие данных литератур. С другой стороны, почти все указанные памятники письменности являются переводами с латинского языка, а художественный перевод, как известно, рассматривается филологами как литературное явление. Следовательно, церковно-светскую и другую миссионерскую литературу необходимо осмысливать как определенный этап формирования мордовской художественной словесности.

Поступила 19.05.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Алешкин, А. В.* Новое исследование по истории формирования мордовских письменно-литературных языков // Финно-угристика. – Саранск, 1978. – Вып. 1. – С. 62–176.
2. *Алешкина, С. А.* Формирование жанров и художественных традиций мордовской литературы конца XIX – начала XX века : автореф. дисс. … канд. филол. наук / С. А. Алешкина ; Морд. гос. ун-т. – Саранск, 1990. – 16 с.
3. *Антонов, Ю. Г.* Зарождение и пути развития мордовской драматургии / Ю. Г. Антонов. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2012. – 260 с.
4. *Бирюкова, О. И.* Интеграция литературно-художественных и фольклорных традиций в поликультурное пространство мордовской словесности конца XIX – первой трети XX вв. : монография / О. И. Бирюкова. – Саранск : [б.и.], 2010. – 150 с.
5. *Васин, К. К.* Просветительство и реализм / К. К. Васин. – Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1975. – 182 с.
6. *Демин, В. И.* Начало. Первые мордовские письменные памятники // Проблемы создания региональной истории литератур народов Поволжья : материалы региональной научно-практической конференции. – Чебоксары, 2014. – С. 18–25.
7. *Домокош, П.* Формирование литератур малых уральских народов / П. Домокош. – Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1993. – 288 с.
8. *Феоктистов, А. П.* Мордовские языки // Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамские и мордовские языки. – Москва, 1975. – С. 48–354.
9. *Феоктистов, А. П.* Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков / А. П. Феоктистов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2008. – 392 с.
10. *Шеянова, С. В.* История мордовской литературы : учебное пособие / С. В. Шеянова, Н. Н. Левина. – Саранск, 2012. – 164 с.
11. *Шеянова, С. В.* Современный мордовский роман : проблематика, поэтика : монография / С. В. Шеянова. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2013. – 284 с.

BIBLIOGRAPHY

1. *Aleshkin, A. V.* (1978), A new study on the history of the formation of the Mordovian writing and literary language, Finno-Ugric Studies, Vol. 1, Saransk, p. 162–176.
2. *Aleshkina, S. A.* (1990), Formation of genres and artistic traditions of Mordovian literature in late XIX – early XX century, Candidatskaya Degree thesis (Philology), Saransk: Mordovian State University.
3. *Antonov, Yu. G.* (2012), Origin and development of Mordoviam drama, Saransk: Mordovian University Press.
4. *Biryukova, O. I.* (2010), Integration of literary and folk traditions in the multicultural space of Mordovian literature in late XIX – early XX centuries, Monograph, Saransk.
5. *Vasin, K. K.* (1975), Enlightenment and realism, Yoshkar-Ola: Mari press.
6. *Demin, V. I.* (2014), Origins. The first written Mordvinian records, Problems of creation of regional history literatures of the peoples of the Volga region, Proceedings of regional conference, Cheboksary, p. 18–25.
7. *Domokos, P.* (1993), Formation of literatures of small peoples of the Urals, Yoshkar-Ola: Mari Press.
8. *Feoktistov, A. P.* (1975), Mordovian languages, Basics of Finno-Ugric linguistics. Finnic, Sami and Mordovian languages, Moscow, p. 48–354.
9. *Feoktistov, A. P.* (2008), Essays on the history of the formation of the Mordovian writing and literary language, Saransk: Mordovia Press.
10. *Sheyanova, S. V.*, Levina, N. N. (2012), History of Mordovian literature, University textbook, Saransk.
11. *Sheyanova, S. V.* (2013), Modern Mordovian novel: problematics, poetics, Monograph, Saransk: Mordovia Press.